

Цзюнь Цин слегка приподнялся и, следуя указаниям Дуаньму Хуэя, начал усиленно тужиться. Схватки следовали одна за другой без перерыва, не давая ни малейшей передышки. Напрягая тело, он широко расставил ноги и уперся ими, чувствуя, как тяжелый груз внутри постепенно продвигается вниз.

— Отлично, именно так... Маркиз, отдохните немного, мы продолжим позже, — врач Лю, специализирующийся на родах, за свою жизнь повидал немало рожениц, но больше всего ему нравились такие спокойно выполняющие указания, как Цзюнь Цин.

— М-м... — Сжимая в руках полотенце, привязанное к балке, Цзюнь Цин старался не тратить силы напрасно, избегая лишних движений и громких криков.

По мере того как плод продолжал давить вниз, боль становилась все острее, словно все кости в теле сместились. Казалось, он подвергался пытке линчи, что вызывало дрожь во всем теле.

Цзи Синь крепко обнял дрожащее тело Цзюнь Цина, нежно поглаживая его спину, и слезы произвольно катились по его шее.

Цзюнь Цин, немного отдышавшись, слегка повернул голову и тихо прошептал:

— Синь, все будет хорошо, мы... э-э... справимся...

Плод был слишком крупным, и даже при правильном предлежании он никак не мог пройти. Дуаньму Хуэй и врач Лю, посоветовавшись, решили помочь Цзюнь Цину надавить на живот, иначе околоплодные воды могли полностью вытечь.

Еще одна бессонная ночь, и на рассвете огромный плод под внешним воздействием наконец раздвинул узкий таз. Тело Цзюнь Цина словно разрывалось на части, ноги разошлись до предела, и он издал невообразимый крик боли.

— Головку вижу! Я вижу головку ребенка! — В лучах утреннего света врач Лю радостно закричал.

Проведя третью ночь без сна, Вэй Чжао наконец сдался и, взяв с собой Вэй Чунжун, ушел в комнату немного отдохнуть. В этот день, только что вернувшись, они услышали потрясающую новость.

Вэй Чжао, переполненный эмоциями, поспешил войти в комнату. Вэй Чунжун, покрутив глазками, воспользовался моментом, когда отец не смотрел, и последовал за ним.

— А-а... — Схватки возобновились, живот Цзюнь Цина стал твердым и напряженным, он изо всех сил тужился, и темная головка ребенка медленно показалась.

Услышав стон Цзюнь Цина, Вэй Чунжун почувствовал, как у него подкосились ноги. Он вспомнил, как кормилица рассказывала, что Вэй Чжао рожал его целых три дня и три ночи. Это был настолько мучительный процесс, что он даже не хотел об этом думать.

Благодаря усилиям Цзюнь Цина голова ребенка полностью вышла, затем плечи, живот... и наконец, пухленькие, крепкие ножки.

Ребенок громко закричал, едва появившись на свет. Врач Лю быстро перерезал пуповину и объявил:

— Поздравляю, князь, поздравляю, маркиз, у вас здоровый наследник.

— Ваа... вааа... — Пухлый младенец размахивал ручками и ножками, празднуя свое появление на свет.

Вэй Чунжун, прикрыв рот рукой, не мог вымолвить ни слова от волнения. Врач Лю осмотрел ребенка и сказал, что все в порядке. Это означало, что ноги Цзюнь Хуа, скорее всего, удастся сохранить.

Все внимание было сосредоточено на новорожденном, но когда врач Лю завернул ребенка, никто не решался взять его.

Цзюнь Цин и Цзи Синь, не имея опыта, только смотрели на сына, но не решались взять его на руки. Вэй Чжао потер руки, но тоже не протянул их, ведь в первый раз он взял на руки Вэй Чунжун, когда тому уже было три года.

Врач Лю растерялся, собираясь положить ребенка на кровать, как вдруг Вэй Чунжун сказал:

— Можно я подержу младшего брата?

Когда он успел войти? Этот вопрос возник в голове у всех присутствующих. Вэй Чжао даже чуть не позеленел от злости: разве это место для ребенка? Какая невоспитанность.

Не получив ответа, Вэй Чунжун повторил:

— Можно я подержу младшего брата? Я много раз тренировался на внучке няни Ван, она говорила, что у меня хорошо получается. Няня Ван была поварихой в доме князя Цинь, и ее внучке было всего три месяца.

Вэй Чжао на мгновение опешил, но затем схватил Вэй Чунжун и вывел его за дверь.

— Папа, я не хочу уходить! Я хочу подержать брата! — Крик Вэй Чунжуна раздался издалека.

Новорожденного в итоге положили рядом с отцом. Глядя на сына, который сладко спал, посасывая палец, Цзюнь Цин и Цзи Синь улыбнулись друг другу.

Цзи Синь не смог долго оставаться с Цзюнь Цином. Они обсудили имя сына, и, убедившись, что оба заснули, он поспешил уйти.

Внутренние учения в лагере Сичэн еще не закончились, и ему нужно было как можно скорее вернуться. Если бы Сяо Фэн обнаружил, что он «самовольно покинул пост», это могло бы обернуться неприятностями.

В тот день, когда он был отравлен, Дуаньму Хуэй и Шангуань Сян были заняты, и, независимо от того, был ли Сяо Фэн истинным виновником, он вряд ли мог подозревать, что действие яда уже нейтрализовано.

Таким образом, притворившись, что он все еще отравлен, он не только избежал бы подозрений, но и смог бы скрыться, чтобы продолжить расследование.

Цзюнь Цин проспал целый день и, проснувшись, не увидел ни Цзи Синя, ни сына, зато заметил Вэй Чжао и Вэй Чунжун, сидящих у его кровати и о чем-то тихо спорящих.

— Папа, ты же мне веришь, я смогу крепко держать маленькую обезьянку, точно не уроню, я

даже поклянусь! — Вэй Чунжун явно нервничал, используя все возможные способы уговорить отца.

Только что за «маленькая обезьянка»? Прозвище его сына? Цзюнь Цин невольно нахмурил красивые брови.

Вэй Чжао был непреклонен и покачал головой:

— Нет, даже если ты сможешь крепко держать, это не значит, что можно просто так брать ребенка. У малышей кости мягкие, можно случайно навредить, а ты не сможешь это возместить.

Вэй Чунжун, не желая сдаваться, хотел продолжить уговаривать, но тут заметил, что Цзюнь Цин открыл глаза, и быстро спросил:

— Маркиз Чжаоян, можно я подержу маленькую обезьянку? Я только на секунду! — После этих слов он смущенно высунул язык, поняв, что, возможно, сказал что-то не то.

Цзюнь Цин не рассердился, но с недоумением спросил:

— Почему ты называешь Хуа «маленькой обезьянкой»? Есть какая-то особая причина?

Вэй Чунжун не ответил, а вместо этого спросил:

— Маленькую обезьянку зовут Цзюнь Хуа или Цзи Хуа? — Раньше, не зная происхождения Цзюнь Хуа, Вэй Чунжун считал его имя само собой разумеющимся, но теперь ему стало любопытно, почему он носит фамилию Цзюнь, а не Цзи.

Цзюнь Цин на мгновение замер, словно не ожидая такого вопроса, и после паузы ответил:

— А как ты думаешь, какое имя лучше звучит?

Вэй Чунжун, не задумываясь, сразу ответил:

— Конечно, Цзюнь Хуа. — В прошлой жизни он называл его так больше десяти лет, и это стало привычным.

Цзюнь Цин улыбнулся, слегка приподняв уголки губ:

— Это Цзюнь Хуа, ты угадал. Но ты все еще не сказал мне, почему ты называешь его маленькой обезьянкой?

Вэй Чунжун смущенно усмехнулся:

— Я услышал, как его называют маленьким маркизом, и подумал о маленькой обезьянке...

Цзюнь Цин рассмеялся, не находя слов. Вэй Чжао погладил сына по голове и строго сказал:

— Раньше, когда мы не знали имя Хуа, это было простительно, но теперь не смей так его называть, понял?

Вэй Чунжун кивнул, обещая больше никогда так не делать. Но Цзюнь Цин сказал, что это не проблема, и что «маленькая обезьянка» — довольно милое прозвище, тем более что в год Цзюнь Хуа по восточному календарю родился Обезьяны.

Пока они смеялись и разговаривали, кормилица принесла Цзюнь Хуа, который уже наелся и был доволен. Малыш проснулся, его глаза приоткрылись, и, несмотря на то что он был завернут в пеленки, он все равно шевелил ручками и ножками.

Увидев, как Вэй Чунжун смотрит на Цзюнь Хуа с искренней любовью, Цзюнь Цин предложил ему сесть у кровати и попросил кормилицу передать ребенка ему.

Кормилица с недоверием посмотрела на Вэй Чунжун, но все же осторожно передала ему Цзюнь Хуа, одновременно держа руки наготове, чтобы подстраховать, если Вэй Чунжун вдруг его уронит.

Однако Вэй Чунжун действительно тренировался: его поза была правильной, и он держал ребенка крепко и уверенно. Цзюнь Хуа не только не плакал, но даже довольно хмыкнул.

Вэй Чунжун поднял голову и с гордостью улыбнулся Вэй Чжао, мол, смотри, ты боялся, а я держу его отлично. Но долго наслаждаться своей победой ему не удалось, так как Цзюнь Хуа внезапно описался на него.

Виновник происшествия не чувствовал своей вины, он просто облегчился, довольно пофыркивая, и склонил голову набок, засыпая.

Кормилица первой пришла в себя, она забрала Цзюнь Хуа и унесла его переодевать. Вэй Чжао, глядя на мокрое пятно на штанах сына, рассмеялся. Цзюнь Цин сначала попытался сдержаться, но в итоге тоже расхохотался, хватаясь за живот.

Еще не закончился первый месяц нового года, как Вэй Мин отправил Вэй Чунжун учиться в Дворцовую школу. Школа была разделена на четыре уровня в зависимости от возраста и знаний, и Вэй Чунжун, будучи самым младшим, попал в начальный класс.

<http://bllate.org/book/16486/1498339>